

www.nbpublish.com №11 (107), 2008

ПРАВО и ПОЛИТИКА

научный юридический журнал

nota bene

Д. Г. Зайцев

ВЛИЯНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ НА РАЗВИТИЕ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ АКТОРОВ (НА ПРИМЕРЕ СРАВНЕНИЯ ЭВОЛЮЦИИ АНАЛИТИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ В США И РОССИИ)

Аналитические центры¹ являются влиятельными политическими акторами современного демократического политического процесса, неотъемлемой частью «третьего сектора» наряду с такими институтами гражданского общества как общественные организации и движения, группы давления бизнеса, профсоюзы и пр.

Тем не менее, реальный статус данных структур существенно отличается в России и на Западе. Мозговые или аналитические центры, как институт современной политической системы, появились в США в начале прошлого столетия. Однако если в начале ХХ века роль американских мозговых центров сводилась, скорее к обслуживающей органы государственной власти, то после 2-й мировой войны, с созданием и развитием Корпорации «РЭНД» и других подобных ей организаций, об аналитических центрах США стали говорить как о «четвертой ветви» власти.

В настоящей статье на примере аналитических центров показано как становление негосударственных политических акторов в качестве влиятельных субъектов политики определяется внешней для данных акторов институциональной средой (или условиями развития).

Автономные аналитические центры феномен современного демократического государства. Поэтому положение аналитических центров в той или иной политии определяется рядом условий, способствующих возникновению

аналитических центров и их превращению в субъектов политики. Данные условия исторически сложились в первую очередь в странах Запада, точнее, в США. Именно в США мы встречаем первые «прототипы» мозговых центров еще в начале ХХ века, а к концу прошлого столетия находим развитую «индустрию аналитических центров»².

Условия возникновения, развития аналитических центров в США и России

Выделим несколько условий социальной системы, в которой возникают и развиваются аналитические центры, как субъекты политики. Это сложная дифференцированная социальная система в целом, высокая степень институционализации научной деятельности и децентрализации политической подсистемы, в частности. Возникновение данных условий в том или ином государстве связаны с процессами модернизации, в целом, секуляризации и демократизации, в частности. Данные процессы быстрее всего происходили в странах Запада, прежде всего, в США и государствах Западной Европы, которые в значительно большей степени преуспели в становлении и развитии «современного динамичного плюралистического общества»³ и демократического государства.

Непосредственными причинами появления первых аналитических центров были, как правило, внешние вызовы: революции, мировые войны (в 1910 году был создан «Фонд Карнеги за международный мир»; в 1919 году — Гуверовский институт войны, революции и мира при Стенфордском университете; в 1921 году — «Совет по международным отношениям»). Аналитические центры «первого поколения» возникали также на волне демократических изменений в «прогрессивную эпоху», т.е. в период политики реформизма 1900–1917 годов, которую проводили президенты Т. Рузвельт и В. Вильсон, в рамках движения за профессионализацию власти⁴. Например, в 1916 году был создан Институт государственных исследований, предшественник Института Брукингса (1927 год).

¹ Используемый термин «аналитические центры» — аналог западного понятия «think-tanks». Это понятие в политологическом дискурсе переводится по-разному: «резервуары мысли», «фабрики мысли» или «мозговые тресты», «информационно-аналитические центры» или просто «аналитические центры», «независимые аналитические центры», «мозговые центры». Здесь и далее в качестве перевода термина «think tanks» будут использоваться понятия: «аналитические центры» и «мозговые центры». Существует множество определений термина «аналитические центры» («think-tanks») — наиболее точно отражающее этот феномен: «Аналитические центры — получающие поддержку от государства либо частные группы профессионалов, которые проводят исследования по некоторым или по всем дисциплинам, сообщают (передают) результаты своих исследований широкой общественности или целевой аудитории, на чье мнение они хотят повлиять» [Bernardo M. Villegas. A Think Tank in Democratic Society, Economic Reform Today, Ideas into Action: Think Tanks and Democracy. Number 3, 1996 // <http://www.cipe.org/publications/fs/ert/e21/vile21.htm>].

² Диксон П. Фабрики мысли. Издательство АСТ. М.: 2004

³ Даль Р. Демократия и ее критики. М.: РОССПЭН, 2003. С. 383

⁴ Хаас Р.Н. «Мозговые центры» и американская внешняя политика. 2002 г. // <http://usinfo.state.gov/journals/tip-1102/prj3hassy.htm>

Таким образом, главным фактором возникновения «первых» аналитических центров в США было усложнение социальной системы, а, следовательно, масштабность, комплексность задач, с которыми сталкивалось современное государство (разрушительные беспредецентные войны и революции, задачи управления профессиональной бюрократией и т.п.), а также скептическое отношение к возможностям государственных институтов того времени справиться с данными проблемами.

Наличие традиций частной филантропии в США способствовало тому, что аналитические центры «первого поколения» создавались на пожертвования (endowments) бизнесменов, филантропические ресурсы были главным источником доходов данных структур.

Следующий этап в развитии аналитических структур США связан с появлением центров «второго поколения» или контрактных центров. Среди причин возникновения и развития последних: вторая мировая война и «холодная война», возникновение новых видов вооружения, достижения научно-технической революции и связанные с ней социально-экономические проблемы (НТР меняла социальную структуру общества), активное развитие прикладной науки, в частности, прикладных направлений в социальных науках (в социологии, социальной психологии, политической науке), экологические проблемы. Ведущая роль в основании первых контрактных центров была за военно-промышленным комплексом США. АЦ продемонстрировали критическую роль гражданских специалистов и научно-технических кадров, важность их разработок для достижения военного и политического превосходства.

Многие институты получали прямую поддержку от правительства США, которое выделяло ученым и исследователям в области обороны огромные ресурсы. Средства, получаемые в рамках контракта с правительством, по-прежнему дополнялись вкладами благотворительных фондов.

Самым знаменитым центром «второго поколения» стала Корпорация «РЭНД». Впоследствии Корпорация «РЭНД» стала образцом для других аналитических центров.

Первоначальным учредителем и спонсором «РЭНД» были Военно-воздушные силы (BBC) США. «Организация начала свою деятельность в 1946 г. с официальной целью осуществить «научно-исследовательскую программу по широкой тематике, посвященной межконтинентальной войне во всех аспектах, за исключением наземных военных действий». В поставленную задачу входило также представление военно-воздушным силам рекомендаций относительно «предпочтительных методов и средств»... В 1948 г. в качестве некоммерческого независимого предприятия была учреждена Корпорация «РЭНД». Как указывалось в свидетельстве о ее регистрации, она создавалась «для того, чтобы содействовать достижению целей в области науки, образования и благотворительности, в интересах общественного благополучия и безопасности Соединенных Штатов Америки»⁵.

В настоящее время преобладающая часть финансовых ресурсов корпорации исходит от правительственные агентств (самым крупным заказчиком по-прежнему являются военные ведомства). Однако доля поступлений от частных фирм, благотворительных организаций, физических лиц, а также от результатов деятельности корпорации также существенна. Линия развития «РЭНД» переплеталась с основной магистралью общественно-политического развития США и мира в целом. После второй мировой войны военно-промышленный аэрокосмический комплекс доминировал в технико-экономической и идеологической структуре развитых стран. Независимые аналитические центры работали в партнерстве с государством и военно-политической элитой. Ситуация изменилась в 1960-е годы, когда произошел рост гражданской активности в мире⁶. Тогда АЦ стали приобретать большую независимость от государства. Это выражалось в появлении новых источников финансирования и расширении направлений исследований.

Из недр корпорации «РЭНД» в 1960-е годы вышли АЦ, специализирующиеся на глобальном прогнозировании (В 1961 году основан Гудзоновский институт, а в 1968 году — Институт будущего).

Таким образом, для возникновения и развития американских центров «второго поколения» наряду с усложнением решаемых государством задач, важным фактором являлось развитие науки (сначала физики, а затем и социальных наук).

Тем не менее, для аналитических центров, возникших после второй мировой войны, государство и далее оставалось основным заказчиком, поэтому их положением не было полностью автономным. В начале XX века и вплоть до 1960-х гг. роль американских мозговых центров сводилась, скорее к обслуживающей органы государственной власти. Они занимали периферийное положение в политической системе, были ресурсом для других акторов публичной политики (политических и административных элит). Это было вызвано недостаточной степенью децентрализации политической системы. Политика и государственное управление было делом в большей степени элит и бюрократии, более того гражданскими правами не обладала значительная часть взрослого населения США (прежде всего, чернокожие). По мере эволюции политической системы США (с 1960-х годов) увеличивалась независимость аналитических центров.

⁵ Диксон П. Фабрики мысли. Издательство АСТ, М., 2004. С.37-39

⁶ Современные фабрики мысли (мозговые центры, think tanks). Аналитический доклад Агентства гуманитарных технологий. Рук. проекта Грановский В., ред. Дацок С., эксперт Ратувухери Т. Х., менеджер Магера Н. 1998// <http://www.alu.kiev.ua/politics/doklad.html>. Часть I.

Благодаря росту гражданской активности в 1960-70-е гг. произошло расширение политического плюрализма и повышение уровня допустимой конкуренции. Это стало главной причиной, способствовавшей возникновению центров влияния или АЦ «третьего поколения» в США. Их миссией становилась деятельность по экспертной поддержке социальных движений и «защита общественных интересов». Например, в 1963 году был основан Институт политических исследований, с тех пор миссия института — «воодушевлять граждан на строительство здоровых и демократических сообществ в США и по всему миру». Институт «усиливает социальные движения независимыми исследованиями, инновационными идеями, связями с инициативными группами граждан, учеными и выборными должностными лицами»⁷. Другой пример. Центр обороны информации, созданный в 1972 году вышедшими в отставку высшими офицерами армии США для независимого контроля («watchdog») за Пентагоном и общественной экспертизы огромных военных расходов⁸. Подобного же рода организация — Центр исследований вопросов национальной безопасности. Он «создан в 1974 году как негосударственная, некоммерческая организация в защиту общественных интересов и для исследований, направленных на усиление контроля за ФБР и ЦРУ и предотвращение нарушений гражданских свобод в Соединенных Штатах»⁹.

В 1980-90-е годы политическая система США и западных стран переживала серьезные преобразования, связанные с кризисом «государства всеобщего благосостояния» и неоконсервативной революцией. Это время — годы М. Тэтчер, Р. Рейгана и М. Горбачева — было отмечено волной приватизации и либерально-рыночных переворотов во всем мире. Усиливалась роль групп интересов бизнеса, постепенно превращавшихся в мощные центры влияния на государственную политику, которым требовались аналитические ресурсы для более строгого и убедительного обоснования своих предложений во властных структурах¹⁰. В политическом процессе закрепился более широкий круг политических актеров (группы давления бизнеса, группы интересов).

Появившаяся в 1960-70-е годы модель центров влияния, эксплуатировалась либеральными («прогрессивными») центрами. В 1980-90-е годы она была взята на вооружение

неоконсервативными силами. К настоящему времени в США среди аналитических центров этого типа первое место заняли организации консервативной ориентации. Среди консервативных центров можно назвать Американский институт предпринимательства для исследований в области публичной политики (American Enterprise Institute for Public Policy Research), Центр стратегических и международных исследований при университете Джорджтаун (Center for Strategic and International Studies at Georgetown University), Фонд «Наследие» (Heritage Foundation), Институт Катона (The Cato Institute).

АЦ «третьего поколения» отличались высокой долей независимости от государства и правительственные заказы. Большую значимость приобретали негосударственные источники финансирования: бизнес, частные взносы, гранты и пр. Увеличивалось присутствие АЦ в СМИ и публичном пространстве.

Таким образом, современная индустрия мозговых центров США формировалась на протяжении всего XX века под воздействием трех основных факторов, важность которых менялась в зависимости от исторического периода. В начале прошлого века сложность стоявших перед государством задач (чаще глобального характера) вызвали к жизни центры «первого поколения». После второй мировой войны одним из главных факторов стало научно-техническое развитие, что на долгое время обусловило «исследовательскую повестку» контрактных центров. В последней четверти XX века в условиях нарастания открытости и конкурентности политического процесса, возникают центры, способные влиять на государственную политику, а все «поколения» американских АЦ получают возможность выступать в качестве субъектов политики.

В процессе эволюции американские АЦ приобретали автономию, становились независимыми и влиятельными субъектами политического процесса. Параллельно изменился характер аналитических продуктов мозговых центров, они становились меньше по объему и технологичнее. Представитель аналитического центра из ученого превращался в эксперта. Аморфные полуакадемические институты сменились организациями, нацеленными на прибыль и влияние в рамках выбранного «сегмента рынка». Таким образом, на протяжении всего XX века в США (особенно в последней его четверти) параллельно происходили процессы автономизации, профессионализации, институционализации аналитических центров и, как следствие, нарастал политический «вес», статус данных структур.

Вот как описывал американские аналитические центры один из первых исследователей этих структур П. Диксон еще в 1970 году: «...Могущество этих центров закономерно возрастает — могущество, которому редко бросают вызов или хотя бы ставят его под вопрос... Они дают рекомендации в таких различных областях, как транспорт, природные ресурсы, оборона и внутренние программы социального обеспечения. Они распространяют свою деятельность так-

⁷ Институт политических исследований, США. 2008 // <http://www.ips-de.org/>

⁸ Виноградова Т.И. Фабрики мысли (think tanks) в США: особенности развития и роль в публичной политике. 2002 г. // www.strategy-spb.ru

⁹ Центр исследований вопросов национальной безопасности, США. 2008 // www.cnss.org

¹⁰ Зудин А.Ю. Новое коллективное действие: институциональная трансформация групп интересов бизнеса в развитых странах // Год планеты. М.: ИМЭМО РАН, 2006.

же на политику и принятие решений правительством США. Во все большей и большей степени они проводят анализы и составляют планы для промышленности, муниципалитетов, органов власти штатов и иностранных государств»¹¹.

Естественно, что с возникновением центров влияния, которые помимо исследовательских задач стали напрямую ставить задачи влияния на политический процесс, разговоры о могуществе АЦ стали еще более обоснованными. Например, Фонд «Наследие», ставший «эталоном» для аналитических «центров влияния», в 1980 г. разработал масштабный 20-томный план действий под названием «Мандат на лидерство», который лег в основу действий Администрации президента Рональда Рейгана. Таким образом, Фонд «Наследие» может быть назван одним из «творцов» неконсервативной революции». Фонд «Наследие» до сих пор продолжает работать с «консервативными» Администрациями Президента США.

Приводить конкретные примеры, показывающие влияние американских мозговых центров на политический процесс в США можно и еще. Однако вековая история развития данных структур в США, конкурентный характер политического процесса, наконец, тот факт, что высокопоставленные должностные лица в США идут на работу в мозговые центры, говорят в пользу того, что аналитические центры в США являются самостоятельными и влиятельными субъектами политики.

В сравнительной перспективе российские аналитические центры заведомо проигрывают американским «коллегам» в силу, прежде всего, отсутствия столь долгой истории развития. Однако имеются существенные основания, чтобы сравнивать американские аналитические центры именно с «фабриками мысли» в нашей стране.

«Прототипы» аналитических центров возникают у нас практически одновременно со становлением американских фабрик мысли как самостоятельных субъектов политики. Например, возникшие в конце 1950-х годов академические исследовательские институты (ИМЭМО, ИСКАН), хотя и финансировались из государственного бюджета, они были более или менее независимы в конкретных формулировках своих исследовательских задач.

В то время как в странах Западной Европе, как правило, в основном сильно представлены аналитические центры определенного типа: университетские (академические) центры как во Франции, идеологические (партийные) центры как в Германии, негосударственные центры как в Великобритании. В нашей стране к середине 1990-х годов сложилась развитая «система мозговых центров» самых разных типов: академические (университетские) и «институты политических исследований», центры, работающие «на государственный заказ» и «на открытом рынке», идеологические и гражданские. Кроме того, получил развитие и

такой феномен как «центры публичной политики», характерный для США и стран Восточной Европы.

Кроме того, в России имеются значительные перспективы развития независимой экспертизы и аналитики, в том числе в форме аналитических центров. Во-первых, потому что наша страна — единственная страна бывшего советского блока, которая самостоятельно осуществляет «тройной переход». В силу этого перед государством стоят беспрецедентные и масштабные цели и задачи по реформированию страны. Это требует качественной объективной экспертизы и анализа преобразований. Во-вторых, новые перспективы развития мозговых центров открылись в связи со сменой главы государства и объявленным государственным курсом на развитие пяти «И»: институты, инфраструктура, инвестиции, инновации, интеллект¹².

Таким образом, если и сравнить современные российские аналитические центры, то только с американскими аналогами, которые в полной мере, за некоторыми исключениями, могут служить «эталонами» для российских центров. Мы видели, что становление и развитие автономных аналитических центров, способных выступать в роли субъектов политики, связано с процессами демократизации политической системы, точнее с легализацией политического плюрализма и политической конкуренции.

Политическую систему современной России в политологической литературе называют «гибридной», имея в виду то, что в ней сочетаются элементы как авторитарного, так и демократического политического режима. «Гибридная» политическая система — особый тип политии, возникающий в странах перехода от авторитаризма к демократии. В условиях нестабильного и переходного политического режима в России можно выделить несколько этапов развития экспертных организаций. Первый этап — становление автономных аналитических центров (соответствует стадии либерализации политического режима). Второй этап — развитие и усиление автономных аналитических центров (соответствует стадии демократизации режима). Третий этап — уменьшение роли аналитических центров в политическом процессе (соответствует стадии консолидации «гибридного» политического режима).

«Прототипы» современных аналитических центров России в условиях тоталитаризма

Причинами возникновения советских «аналитических центров» в конце 1950-х — начале 1960-х годов XX века стали не децентрализация политической системы, а сложность и масштабность задач, которые встали перед партийным руководством страны; необходимостью догнать развитые страны, соответствовать и не отставать от темпов перемен в

¹¹ Диксон П. Фабрики мысли. Издательство АСТ, М., 2004. С.71-74.

¹² Медведев Д.А. Выступление на XII Петербургском международном экономическом форуме. 07.06.2008/http://president.kremlin.ru/appears/2008/06/07/1200_type63377type82634type122346_202221.shtml

мире, прежде всего, в научно-техническом плане. Политика экономического соревнования с Западом требовала более обстоятельного изучения западной экономики и политики. К началу 1950-х годов «уменилось понимание процессов, происходивших в окружающем мире. Даже правившая верхушка зачастую оказывалась в плену идеологических стереотипов, создававшихся по ее же инициативе для решения чисто прикладных задач». Возникла необходимость «подтянуть официальную идеологию к международному уровню и требованиям современности»¹¹. «Создание Института мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР (ИМЭМО) тоже было прямым результатом XX съезда КПСС». При Сталине господствовали «самые примитивные представления об окружающем мире и мировой экономике, о капитализме, о международных отношениях, сводившихся к конфронтации двух систем ... их вдабливали в умы целого поколения специалистов в качестве незыблемых догм... XX съезд изменил положение с точки зрения потребностей тех, кто делает политику. Они уже нуждались в правде, хотя бы в знании объективной картины мира»¹². Эта функция закрепилась за консультантами аппарата ЦК КПСС, и аналитическими структурами, работавшими под патронажем партийных органов:

Среди партийных институтов лидировала тройка: Академия общественных наук при ЦК КПСС; Институт общественных наук при ЦК, работавший в закрытом режиме; Институт марксизма-ленинизма ЦК партии. Более низкие ступени и по интеллектуальному потенциалу, и по возможностям работы с информацией занимали партийные школы, институты при комсомоле (например, Институт молодежи). КГБ осуществлял аналитическую деятельность как за счет собственных подразделений (хотя это был скорее оперативный анализ, присущий любой спецслужбе), так и при помощи подчиненных ему специальных отделов академических институтов (например, секретный отдел Института социологии АН, находившийся в двойном подчинении). Особенно активно аналитические структуры при КГБ стали развиваться при Ю. Андропове.

Аналитические структуры партии, КГБ и части государственных учреждений приближались по критериям комплексности и прикладного характера исследований к современным аналитическим центрам (АЦ). Однако эти центры были включены в идеологический монолит власти, которая практически всегда использовала экспертов для подтверждения правильности своих решений¹³.

Особый интерес помимо партийных аналитических

структур представляют академические исследовательские институты СССР, так как именно они во многом были «прототипами» современных аналитических центров. Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), Институт международного рабочего движения (ИМРД) «стали зародышем будущих полупрофессиональных научных и экспертных сообществ»¹⁴.

«Имперские» задачи внешней политики требовали создания ряда специализированных институтов при Академии наук, таких как Институт экономики мировой социалистической системы (ИЭМСС), Институт Латинской Америки, Институт Африки, Институт Дальнего Востока, Институт США (позже переименованный в Институт США и Канады — ИСКАН).

К 1970-80-м годам позднесоветские аналитические структуры «расширились, усложнились и сложились в разветвленную сеть, состоящую из множества специализированных звеньев». Одни выполняли функции сбора информации (Всероссийский институт научной и технической информации — ВИНИТИ, Институт научной информации по общественным наукам — ИНИОН), вторые — функции аналитических центров (ИМЭМО, ИСКАН, ИЭМСС), третьи — пропагандистского обеспечения (Агентство печати Новости (АПН), Советский комитет защиты мира, Комитет молодежных организаций, Советский комитет солидарности со странами Азии и Африки и др.). Они «конкурировали за влияние на высшее партийное руководство, объединяясь во враждующие коалиции»¹⁵.

Все эти институты финансировались из государственного бюджета, и объем их финансирования никогда не был предметом гласности. Они были более или менее независимы в конкретных формулировках своих исследовательских задач. При этом неявным образом эти институты получили возможность влиять на генеральную линию партии. Идеологическая норма стала размыться, исчезать, произошла культурная и политическая дифференциация советского общества (противостояние «сталинистов и антисталинистов», «Нового мира» и «Октября» и пр.).

Часто институты получали поручения разработать те или иные проблемы, дать рекомендации прямо от ЦК или косвенно через президиум Академии наук. Эти поручения были заданиями наивысшего приоритета. Институты также соревновались между собой, поставляя свои аналитические работы и рекомендации в ЦК. И главным критерием результативности институтов было внимание, уделенное высшим руководством этим продуктам. Директора ИМЭМО и ИСКАН в позднесоветское время были кандидатами в члены и членами ЦК партии (Иноземцев Н.Н. — кандидат в члены с 1971 г., член ЦК

¹¹ Зудин А.Ю. «Культура имеет значение»: к предыстории российского транзита//Мир России. №3, 2002. С. 138-141.

¹² Арбатов Г.А. Человек системы. Наблюдение и размышления очевидца ее распада. М.: ВАГРИУС, 2002. С. 105-119.

¹³ Мейер М. Аналитические центры в системе российской демократии. 1997 г. // http://www.russ.ru/antolog/predvy_1997_knigi.htm.

¹⁴ Зудин А.Ю. «Культура имеет значение»: к предыстории российского транзита//Мир России. №3, 2002. С. 141.

¹⁵ Там же. С. 144-145.

КПСС с 1981 г.; Яковлев А.Н. — член ЦК КПСС, с 1986 г., член Политбюро ЦК КПСС с 1987 г.; Арбатов Г.А. — кандидат в члены с 1976 г., член ЦК КПСС с 1991 г.). Большинство директоров институтов имели личные связи с членами ЦК. Таким образом, преобладали патрон-клиентские отношения.

Можно говорить о значительном влиянии советских академических институтов на процесс принятия политических решений. Например, институты писали свои варианты отчетных докладов Л. Брежнева на съездах, соревновались в том, чей вариант попадет в доклад. Аналитическое обеспечение курса на «разрядку» дали именно эти АЦ, изменение отношения к социал-демократии, феномен НТР сконструировали советские академические АЦ¹⁸.

Академические институты СССР, созданные для поддержания и усиления политического режима, оказались на острие процесса размывания фундамента государственной партийной идеологии.

В академических институтах СССР зародились многие элементы «стереотипа деятельности» российских аналитических центров: оперативность работы, структурирование информационных потоков, стиль и форма подачи результатов исследований в виде аналитических записок, практика ситуационного анализа, «мозговых штурмов», междисциплинарный характер исследований. Но это были бюрократические учреждения с «раздутыми» штатами сотрудников, отсутствовал технологичный прикладной характер деятельности институтов и т.п. То есть советским академическим институтам были присущи «плюсы» и «минусы», характерные для традиционных научно-исследовательских организаций.

Первый этап: 1986-1993 гг. Становление автономных аналитических центров в условиях либерализации политического режима

В условиях возросшей активности гражданского общества в конце 1980-х годов: возникновение неформального, кооперативного движений — появляются различные клубы, народные фронты и другие общественные организации. Некоторые начинают ставить перед собой информационно-исследовательские задачи — возникают негосударственные информационно-исследовательские центры

Первые группы «неформалов» стали заметны летом 1986 года после появления нового «Положения о любительских объединениях», которое упростило регистрацию и деятельность самодеятельных объединений. Были созданы такие известные организации как «Перестройка», «Мемориал», «Демократический союз», Клуб социальных инициатив (КСИ), народные фронты и пр. К началу избирательной кампании (декабрь 1988 г. — март 1989 г.) в Москве насчитывалось около 200 политических клубов чис-

¹⁸ См. Арбатов Г.А. Человек системы. Наблюдение и размышления очевидца ее распада. М.: ВАГРИУС, 2002.

ленностью от 3-5 до более чем 100 человек в «Московской трибуне»¹⁹.

В 1988 году под руководством Вячеслава Игрунова был создан информационно-аналитический центр неформального движения — Московское бюро информационного обмена (М-Био). В М-БИО работал оргкомитет Всесоюзного общества «Мемориал» и здесь же был основан Правозащитный центр «Мемориал». Здесь же планировалась технология самоорганизации демократических депутатов, которая после проведения серии встреч в Доме ученых привела к созданию Межрегиональной депутатской группы. В 1990 году появляется газета «Коммерсант», а несколько позднее — «Независимая газета». М-БИО прекратило существование, разделившись на три структуры: Информационно-аналитический центр «Панорама», группу Александра Морозова, ушедшую работать в агентство «Постфактум» и Институт гуманитарно-политических исследований (ИГПИ) учрежденный 2 сентября 1990 года²⁰. Впоследствии Игрунов и его институт участвовал в деятельности партии «Яблоко».

Однако полноценных аналитических центров на этой волне не могло появиться, так как этим новым организациям не хватало ресурсов, прежде всего интеллектуальных и производных от него (репутации и ресурса связей).

Для академических институтов СССР «перестройка» ознаменовалась, с одной стороны, привлечением ученых во власть, с другой, разрушение советской системы академических исследовательских институтов. Горбачевская администрация при проведении государственных преобразований пыталась опираться на ученых из академических институтов, ориентированных на реформы. Некоторые были непосредственно вовлечены в формирование новой государственной политики. Это, например, Шаталин С.С. (академик АН СССР), Заславская Т.И. (ВЦИОМ), Аганбегян А.Г. (Сибирское отделение АН СССР), Примаков Е.М. (ИМЭМО), Абалкин Л.И. (Институт экономики). Они заняли высокие посты в новых государственных структурах. Некоторые экономисты из академических институтов пытались разрабатывать альтернативные программы. Такой стала, например, программа «500 дней» Г.А. Явлинского и С.С. Шаталина.

Разрушению советской системы академических исследовательских институтов способствовало масштабное сокращение объемов государственного финансирования науки, шире — разрушение государственных институтов. Из науки начался «отток кадров» (например, в бизнес). Поиски дополнительных средств выразились в создании при старых институтах лабораторий, центров и объеди-

¹⁹ Игрунов В. О неформальных политических клубах Москвы. Проблемы Восточной Европы, №27-28, 1989г// http://igrunov.ru/cv/vehk-cv-chosenpubl-inform_clubs.html.

²⁰ Игрунов В. Автобиография// <http://igrunov.ru/cv/vehk-cv-biogr.html>.

нений, часто ориентированных «на зарабатывание денег». Так, «снизу» был «реформирован» один из сильнейших академических центров — Институт мировой экономики и международных отношений. К 1992 году ИМЭМО стал похож на «слоеный пирог» из собственных отделов, центров, изданий и коммерческих структур, сохранив при этом некую целостность и продолжая оставаться в рамках РАН. Приблизительно такой же путь трансформации повторил Институт США и Канады РАН (ИСКРАН). На базе его отделов был создан Российский научный фонд. На основе ряда отделов Института географии в 1992 году образовалась одна из наиболее известных групп политических географов — Группа «Меркатор». При Институте востоковедения в том же году начала работать научно-издательская аналитическая фирма «Ист-Консалт», ориентированная на традиционных партнеров института из стран Ближнего и Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии.

В данном контексте небезинтересна судьба бывших партийных аналитических структур. Некоторые из них сохранились за счет смены форм и статуса. Одни потеряли при этом значительную часть кадров. Например, Академия общественных наук последовательно претерпела превращения в Академию управления при правительстве (1991–1994) и Академию государственной службы при президенте (с апреля 1994). Другие сохранились практически полностью (Институт марксизма-ленинизма преобразовался в Российской независимый институт социальных и национальных проблем). О судьбе третьих мало что известно (например, об аналитических центрах при КГБ).

С 1990–1991 годов начинают возникать «новые аналитические структуры». Можно выделить следующие причины их возникновения. Во-первых, государственное финансирование науки, в частности политической науки, практически, сошло на нет. Во-вторых, возникновение института выборов, многопартийной системы с политическим и идеологическим плюрализмом позволило аналитическим центрам работать на различных представителей политической элиты, относить себя к тому или иному политическому спектру. В-третьих, после проведенной приватизации, появляется новый политический игрок — структуры бизнеса. Тенденция роста бизнес-заказов у аналитических центров (АЦ) проявилась в 1992 году и в течение 1993–1994 годов нарастала, именно тогда бизнесмены начали активно создавать АЦ при банках, крупных кампаниях. В 1991–93 годах возникают частные АЦ, ориентированные на самоокупаемость, которая стала возможной с появлением бизнес-заказов. В-четвертых, возникла конкуренция между аналитическими центрами, занимающими общую исследовательскую площадку (внутренняя политика, экономическая политика, внешняя политика, социология)²¹.

²¹ Anionenko Oksana. New Russian analytical centers and their role in political decisionmaking. Harvard University. John F. Kennedy School of Government. Cambridge, Massachusetts. USA. 1996.

Возникают «классические» подтипы аналитических центров: АЦ, работающие «на открытом рынке» (Фонд предпринимательских инициатив «Экспертиза», Центр политических технологий и др.); центры, работающие «на государственный заказ» (Рабочий центр экономических реформ при Правительстве Российской Федерации, Институт экономического анализа и др.) «институты политических исследований» (центр «Информатика для демократии», Международный фонд экономических и социальных реформ «Реформа» и др.).

Второй этап: 1994–1999 гг. Развитие автономных аналитических центров в условиях демократизации политического режима

Принятие новой демократической Конституции, начало функционирования новых политических институтов (прежде всего, парламентских), а также масштабность и сложность задач, которые необходимо было решать «новому государству» — все это способствовало росту (как количественному, так и качественному) независимой экспертизы, в частности, аналитических центров. Увеличивалось количество аналитических центров, изменялся их статус и «политический вес» они стали полноправными, влиятельными субъектами политического процесса. В пользу последнего говорят следующие факты:

Во-первых, представители экспертного сообщества участвовали в разработке Конституции РФ (например, Сатаров Г.А., ИНДЕМ; Мигранян А.М., фонд «Реформа»; Пайн Э.А., Центр этнополитических и региональных исследований и др.).

Во-вторых, сотрудники аналитических центров рекрутировались на работу в Аналитическое Управление Президента РФ, Президентский Совет (Урнов М.Ю., «Экспертиза», ЦПТ; Сатаров Г.А., Пайн Э.А., ИНДЕМ; Салмин А.М., РОПЦ). АЦ создавались на уровне Администрации, финансируясь из государственного бюджета и, соответственно, обеспечивали аналитикой государственные структуры различных уровней (Центр стратегических разработок Г. Грефа).

В-третьих, руководители АЦ привлекались на работу в Правительство РФ (Ясин Е.Г., Аналитический центр при Президенте РФ; Уринсон Я.М., Центр экономической конъюнктуры при Правительстве РФ). АЦ могли влиять на Правительство РФ через бизнес элиту (Экспертный институт РСПП).

В-четвертых, политические партии и фракции, представленные в парламенте, основывались на исследованиях своих АЦ («Эпицентр», ИГПИ Игрунова (до 2001 года) — «Яблоко»; «РАУ-Корпорация» Подберезкина — КПРФ (до 1999 года)). АЦ оказывали влияние на парламент (политические партии, фракции и т.п.) через консультирование депутатов и ведение избирательных кампаний (Институт изучения экономики переходного периода работал на «Выбор России», ЦПТ — на партию «Наш дом — Россия»).

а также, работая в парламентских комиссиях и комитетах (Фонд «Реформа» участвовал в работе многих комитетов экономического профиля).

В-пятых, многие АЦ влияли на процесс принятия политических решений через СМИ, когда последние обладали значительной автономией и выполняли особую роль в поликентрическом режиме Б. Ельцина.

Особенности поликентрического политического режима 1993–1999 гг. создали благоприятные условия для роста влиятельности аналитических центров. Их «могущество» в конце 1990-х гг. достигло максимума.

Слабость новых демократических политических институтов, неразвитость институтов гражданского общества, слабость государства, как политического института привели к преобладанию неформальных процедур и практик во взаимоотношениях между политическими акторами (группировками и клиентелами). Автономными ключевыми политическими игроками были региональные элиты, «олигархи», СМИ. Определенным рубежом стал 1996 г., когда после президентских выборов особенно отчетливо вырисовывались основные тенденции развития политического режима: усиление «стеневых» центров влияния; разрушение «вертикали власти»; «олигархизация» режима; «автономизация» элит²¹. Многообразие центров политической власти и влияния привели к тому, что аналитические центры напрямую, через того или иного политического игрока, могли влиять на политические решения. Примерами могут служить близкий к Примакову Е.М. Совет по внешней и оборонной политике (СВОП), который после назначения Примакова Е.М. Премьер-министром РФ осенью 1998 года стал влиятельным центром обсуждения и выработки основных направлений государственной политики; аналитические структуры группы «МОСТ» и др.

Множественность центров политического влияния и конкурентный политический процесс также способствовали автономизации исследовательских структур. Более того, аналитические центры, осознавшие угрозы и вызовы, поставленные перед государством, оставались одними из немногих носителей общегосударственных интересов и ценностей демократической развития и модернизации.

Показателем усилившегося влияния аналитических центров стала избирательная кампания 1999–2000 гг., в которой активно участвовали некоторые АЦ, став «демиургами» нового путинского политического режима. Так Фонд эффективной политики активно работал на победу сначала «пропутинской» партии «Единство», а затем и В.В. Путина, в процессе избирательной кампании вырисовывались основы нового внутриполитического курса. В Центре стратегических разработок занимались выработкой основ будущей экономической политики нового Президента РФ.

²¹ Зудин А.Ю. Режим Путина: контуры новой политической системы. М.: Московский центр Карнеги, 2002 // <http://www.carnegie.ru/upload/1033217093937white-book-07-apr02-www.pdf>

Третий этап: 2000 — 2007 гг. Уменьшение роли аналитических центров в условиях консолидации «гибридного» политического режима

В период начала правления В.В. Путина политический процесс развивался в направлении сокращения автономии элит и политических институтов, восстановления иерархии в отношениях с элитами, построения «вертикали власти», усиления роли политических партий (прежде всего, «Единой России»). Кремль становился доминирующим субъектом политического процесса, вокруг которого выстраивались остальные его участники²². Политический процесс все больше приобретал неконкурентный характер. В этих условиях основными тенденциями эволюции аналитических центров являются: деавтономизация аналитических центров, «деполитизация» деятельности АЦ, сокращение возможностей влияния аналитических центров на политический процесс.

Деавтономизация АЦ. Наряду с другими субъектами политики моноцентрического режима аналитические центры лишились части своей былой автономии. Здесь снова актуален пример Фонда эффективной политики (ФЭП), который в новых условиях постепенно теряет свою автономию, сосредотачиваясь на проведении избирательных кампаний на стороне «прокремлевских» кандидатов и сопровождении политики Администрации Президента РФ. (Косвенные подтверждения этому: приписываемые связи Фонда с группой «либералов-питерцев», контакты с В.Ю. Сурковым²³, постоянное информационное сопровождение политических решений «патрона», закрытый характер деятельности ФЭП, привлечение сотрудников ФЭП на работу в Администрацию Президента РФ).

«Деполитизация» деятельности АЦ. Сокращение политической составляющей в деятельности большинства мозговых центров, уход в смежные области прикладных исследований — одно из основных отличий современного положения аналитических центров. В силу уменьшения числа автономных политических игроков, усиления роли государства произошло сокращение спроса на услуги аналитических центров (политические исследования, анализ, политическое консультирование и т.п.). В связи с изменениями избирательного процесса (отмена прямых выборов губернаторов, переход на пропорциональную систему выборов в парламент и пр.) сократился рынок избирательных технологий. Государство, в частности Администрация Президента РФ, оказалось основным заказчиком подобных услуг.

В этих условиях мозговой центр, занимающийся политическими исследованиями и разработками, вынужден

²² Зудин А.Ю. Режим Путина: контуры новой политической системы. М.: Московский центр Карнеги, 2002 // <http://www.carnegie.ru/upload/1033217093937white-book-07-apr02-www.pdf>

²³ Мухин А.А. Питерское окружение Президента // <http://www.spic-center.ru/text/pitokr.htm>.

брать на вооружение одну из двух стратегий. Первая — специализация направлений исследований и базы заказчиков — предполагает работу на одного доминирующего клиента (Кремль), потерю части автономии. Помимо уже упомянутого ФЭПа, примерами таких структур являются Центр стратегических разработок и Всероссийский центр изучения общественного мнения.

Вторая — диверсификация клиентской базы и направлений исследований — достигается за счет частичного ухода с рынка политических услуг. АЦ переключается на прикладной социологический анализ, корпоративный консалтинг, занимается неполитическими, как правило, бизнес проектами. Эту стратегию активно используют АЦ, которые в 1990-е гг. пользовались значительным влиянием на политический процесс. Например, Центр политических технологий (ЦПТ) с 1999 года начал развивать несколько новых направлений: организационное консультирование крупных корпораций, «бизнес-PR» для корпоративных клиентов; маркетинговые исследования». В 2000-е годы список корпоративных клиентов ЦПТ расширяется²⁵.

Сокращение возможностей влияния аналитических центров на политический процесс

По сравнению с периодом правления Б. Ельцина, возможностей для мозговых центров повлиять на формирование политического курса стало меньше. На данный момент влияние мозговых центров обусловлено тесными связями с государством, с лицами, принимающими политические решения. Аналитические центры, связанные с государством, монополизировали рынок политических исследований, анализа, консультирования и избирательных технологий. Однако в рамках неконкурентного политического процесса возникают особые возможности для влияния на процесс выработки политического курса. К таковым можно отнести, во-первых, момент смены высокопоставленного лица, например, главы государства, во-вторых, ситуацию, когда перед доминирующим актором стоят новые масштабные задачи, проблемы. Например, реализация национальных проектов создала дополнительный спрос на их интеллектуальное сопровождение, которым занялись некоторые аналитические центры.

Тем не менее, многие автономные аналитические центры в новых условиях оказывались невостребованными, сосредотачивались на критике существующего режима (как, например, Фонд «ИНДЕМ»).

Более того, сложившиеся тенденции — неблагоприятны для их развития: отсутствуют юридические, финансовые предпосылки успешности автономных АЦ, затруднена мобильность экспертов. Новые политические условия способствуют появлению скорее полуавтономных и зависимых аналитических центров. Причем более востребованными государством оказываются полуавтономные АЦ. Можно

выделить два источника возникновения полуавтономных АЦ: во-первых, автономные центры, которые постепенно теряли независимость (ФЭП); во-вторых, зависимые АЦ, впоследствии приобретшие некоторую автономию (Совет по национальной стратегии — СНС). Зависимые аналитические центры в рассматриваемый период создавались во время избирательных кампаний (СНС — выборы 2003 г.) или под политические партии (Фонд «Единство во имя России»).

Четвертый этап: с 2008 года. Аналитические центры в условиях деконцентрации моноцентрического политического режима

С началом трансформации моноцентрического политического режима начинают меняться и внешние условия существования и развития аналитических структур. Изменения политического режима происходят по следующим основным направлениям: ограниченная деконцентрация (демонополизация ниши кремлевских партий, децентрализация экономического блока Правительства РФ); деноминтиципиализация; раздвоение властного центра системы²⁶.

Пока еще рано делать выводы о характере нового политического режима и месте аналитических центров в нем. Тем не менее, уже сейчас можно предположить, что новые условия будут благоприятными для развития автономных аналитических центров, чем период 2000-2007 гг. Подтверждение этому рост спроса на объективную политическую аналитику со стороны политических акторов. В частности это выражалось в создании Института современного развития (ИНСОР), поддерживаемом Д.А. Медведевым, разработке и обсуждении стратегий долгосрочного развития страны (Стратегия — 2020 МЭР РФ, доклад «Демократия: развитие российской модели» ЦПТ и др.).

Таким образом, в период возникновения «прототипов» российских аналитических центров в нашей стране существовали сопоставимые с американскими условия: сложность и масштабность государственных задач, научно-техническое развитие и проблемы им поставленные. Демократизация, «плурализация» политической системы, и следствия этих процессов для развития аналитических центров, исторически стали актуальными значительно позже, чем в США. В России процесс повышения уровня конкурентности политического процесса носит, сравнительно с США, «усеченный» характер: высоко конкурентного политического режима так и не сложилось, неблагоприятны дополнительные условия развития автономных АЦ. Законодательство об НКО непрозрачное, запутанное, дающее свободу «произволу» чиновников и регулирующим инстанциям. Традиции благотворительности в России

²⁵ Центр политических технологий, РФ, 2008 // www.cpt.ru.

²⁶ Зудин А.Ю. Моноцентризм: утраченный, обретенный или все-таки утраченный? // Выступление на семинаре «Полития» // <http://www.politeia.ru/seminar.php?2007-12-27>

только начинают складывать (не без участия государства). Каналы «социальной мобильности» становятся все «уже», возможностей для карьерного роста, особенно в сравнении с переходным периодом 1990-х гг., становится все меньше. Мало конкурентный характер властных отношений делает обмен кадрами между экспертным сообществом, бизнес-элитой и политическим классом затруднительным.

Тем не менее, положение аналитических центров в большей степени определяется особенностями политического режима и его трансформации (см. таблицу).

Таблица
Политические условия становления и развития АЦ

		Уровень институционализации	
		Высокий	Низкий
Уровень допустимой конкуренции и плурализма	Высокий	США (с 1970-х гг.)	Россия (1994-1999)
	Низкий	СССР (1970-80-х гг.)	Россия (2000-2007)

Если в 1970-80-е гг. в США сложился в целом благоприятные политические условия для развития автономных аналитических центров (плуралистический режим высокой конкуренции разнообразных политических акторов в рамках «сильных» формальных институтов), то в СССР «прототипы» аналитических центров были тесно связаны с государством, партией — единственным субъектом политики. Поэтому развал государства (государственных и партийных институтов) привел к разрушению системы советских академических институтов и аналитических структур при КПСС. Конкурентный характер политического режима, установившегося в 1994-1999 гг., способствовал развитию «новых» аналитических центров. Однако доминирование неформальных практик над формальными институтами, «слабость» государственных и демократических институтов способствовало преобладанию «клановых» интересов над общегосударственными. В этих условиях аналитические центры оказались одними из немногих субъектов политики — выразителями общезначимых интересов и идей (модернизации и структурных преобразований). Снижение уровня допустимой политической конкуренции и плурализма в условиях моноцентризма способствовало ужесточению конкуренции между аналитическими центрами за ресурсы и внимание доминирующего игрока, концентрировавшего

ресурсы. Наметились тенденции поляризации «сектора» и монополизации «рынка» аналитических центров. По отношению к доминирующими актору аналитические центры разделились на «наши» и «не наши», т.е. поддерживающие и не поддерживающие политику В.В. Путина. Среди «наших» АЦ политическим «весом» обладали несколько центров, работающих на доминирующего игрока, остальные были вынуждены искать другие, заведомо менее значимые ресурсы (международные гранты, частные взносы и пожертвования, бизнес заказы). Функция носителя и проводника общезначимых интересов и идей закрепилась за доминирующим политическим актором (Президентом РФ). Однако «слабость» демократических институтов способствовало тому, что функция политической оппозиции закрепилась за «не нашими» аналитическими центрами. «Слабость» государственных институтов подталкивала доминирующего актора к созданию неформальных практик и процедур выработки, поддержки и оценки государственного курса. Например, такими практиками стали регулярные встречи представителей экспертного сообщества, аналитических центров с высокопоставленными должностными лицами на различного рода «экспертных площадках» («Клуб 4-го ноября», Центр социально-консервативной политики).

Перспективы дальнейшего развития российских аналитических центров

Тем не менее, перспективы развития автономных аналитических центров в России, наращивания ими политического «веса» и статуса существуют. Это связано как с «внутренними» характеристиками российских аналитических центров, так и с особенностями текущей политической ситуации и перспективами развития политической системы страны.

Выше уже говорилось о том, что в нашей стране, как и в США, возникли и успешно развиваются аналитические центры практически всех вероятных подтипов.

Среди российских «институтов политических исследований» нельзя не упомянуть центры, возникшие на базе «старых» советских академических институтов (например, Группа «Меркатор», а также в качестве «отделений» зарубежных (часто, американских) аналитических центров (Московский центр Карнеги, Институт экономики города). Однако роль «представительств» зарубежных (особенно западных) аналитических центров в России многие аналитики сводят к функции проводников влияния иностранных правительств, а о степени автономии данных центров (зависимости от «головных» зарубежных организаций) спорят. Тем не менее, бесспорным представляется то, что данные центры в России предлагают и продвигают определенные западные схемы государственного и политического строительства («строительства демократии»). И до недавнего времени они оказывали значительное влияние на формирование политической «повестки дня» и развитие демократических институтов в нашей стране.

После 2000 года, со снижением уровня политического плюрализма и допустимой конкуренции, и особенно после принятия ограничительных мер по финансовой поддержке некоммерческих организаций из-за рубежа роль российских аналитических центров, аффилированных с западными АЦ, тоже снижается.

Российским академическим центрам, в силу сказанного выше о советских прототипах «мозговых центров», есть к чему стремиться. Особенно в последнее время, в связи с увеличением государственного финансирования Науки. В качестве примеров, «успешных» университетских центров можно привести исследовательские структуры МГУ, МГИМО и ГУ-ВШЭ; академических — структуры Института социологии РАН.

В качестве примеров «статусных» центров, работающих «на государственный заказ» и «на открытом рынке» нужно назвать, прежде всего, Центр стратегических разработок (ЦСР) и Центр политических технологий (ЦПТ). ЦСР с 2000 г. продолжает оставаться «интеллектуальным штабом» важнейших социально-экономических реформ (административной, сфере образования, здравоохранения и т.п.). ЦПТ — постоянный лидер всяческих рейтингов экспертных организаций, известен высокопрофессиональной командой экспертов, качественными аналитическими продуктами, объективностью и «независимостью» суждений, во многом, благодаря удачно применяемой стратегии диверсификации направлений исследований и базы заказчиков. В последние несколько лет появились новые достаточно авторитетные аналитические центры: Институт общественного проектирования (ИНОП) и Институт современного развития (ИНСОР).

При всех оговорках о слабой автономии идеологических (и партийных) центров нельзя не учитывать влияния на политический процесс Фонда эффективной политики. В последнее время активизировалась деятельность экспертных центров и клубов при партии «Единая Россия». По-прежнему активен (по крайней мере, информационно) аналитический центр при КПРФ (Центр исследований политической культуры России).

В нашей стране сравнительно менее представлен сегмент гражданских центров. Его занимают в основном аналитические центры, близкие к политической элите в 1990-е гг. и потерявшие эту связь в 2000-х гг. (Российский общественно-политический центр, Фонд «ИНДЕМ»). На волне активизации гражданского общества были созданы аналитические структуры, обеспечивающие и поддерживающие общественные организации и движения (Фонд политico-правовых исследований «Интерлаг», Санкт-Петербургский гуманитарно-политологический центр «Стратегия» и пр.). В настоящее время они заняли особую нишу на «рынке интеллектуального обеспечения политики», позиционируя себя как центры публичной политики, однако некоторые из них по своему статусу близки к гражданским аналитическим центрам.

В силу особенностей текущей политической ситуации автономные аналитические центры уже востребованы или в краткосрочной перспективе могут быть востребованы, во-первых, для помощи в реализации крупномасштабных государственных задач («национальных проектов»), во-вторых, в работе новых «квазиконституционных» органов (Общественная палата РФ), в-третьих, в ситуации неопределенности, связанной со сменой доминирующего политического игрока.

В реализации национальных проектов принимает участие огромное количество экспертов и экспертных организаций. В качестве примера можно привести ситуацию с национальным проектом «Образование», в котором участвуют организации, начиная от университетов, получивших субсидии на реализацию Инновационных образовательных программ (ИОП), а также аналитических центров при этих университетах, заканчивая исследовательскими центрами, которые призваны контролировать реализацию ИОП вузов (например, Исследовательская группа ЦИРКОН).

Представители автономных аналитических структур уже участвуют в работе комиссий и рабочих групп Общественной палаты РФ. Так, например, в Объединенную рабочую группу по обеспечению участия гражданского общества в административной реформе входят Аузан А.А., президент ассоциации независимых центров экономического анализа; Панфилова Е.А., генеральный директор Центра антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернешнл-Р»; Сунгурев А.Ю., президент Санкт-Петербургского гуманитарно-политологического центра «Стратегия» и др.

После управляемой ротации власти в 2000 году общая ситуация для аналитических центров несколько изменилась в более благоприятную сторону. В условиях возрастания политической неопределенности, повышения уровня конкуренции «в верхах» у политических акторов возникает спрос на независимую экспертизу реформ и рисков, связанных с реализацией масштабных государственных программ. Кроме того, принятие решений в «режиме консультаций», характерного для моноцентризма²⁷, повышает спрос на услуги полуавтономных аналитических центров.

Чтобы «удержаться на плаву» и повысить свой политический статус, воспользовавшись улучшением «внешней среды», ставшей чуть более благоприятной для развития автономных аналитических центров, российские экспертные организации могут:

- во-первых, активнее включаться в решение крупномасштабных государственных задач, тем более что политический режим, несмотря на присущие ему авторитарные черты, открыт в «режиме консультаций» для различных инициатив (при усло-

²⁷ См. Зудин А.Ю. Режим Путина: контуры новой политической системы. М.: Московский центр Карнеги, 2002 // <http://www.carnegie.ru/upload/1033217093937white-book-07-apr02-www.pdf>

- вии, что это не грозит его существованию);
- во-вторых, в качестве канала продвижения своих инициатив и влияния на политический процесс использовать различные «квазиконституционные органы», особенно Общественную палату РФ.

В долгосрочной перспективе российским аналитическим центрам необходимо стремиться к тому, чтобы разнообразить источники финансирования и свою клиентскую базу. Привлечь средства из разных источников поможет диверсификация направлений исследований и разработок АЦ.

Развитие аналитических центров связано с характером трансформации политической системы России. Дальнейшая демократизация политического режима, децентрализации политической системы благоприятно скажется на развитии автономных субъектов политики, в частности аналитических центров. Процессы трансформации современного моноцентрического политического режима: деконцентрация, ограниченная децентрализация и «партизация» режима²⁸ позволяют говорить о том, что вектор трансформации российской политии направлен в сторону современной демократической политической системы.

²⁸ Зудин А.Ю. Моноцентризм: утраченный, обретенный или все-таки утраченный? // Выступление на семинаре «Полития» / <http://www.politeia.ru/seminar.php?2007-12-27>.

§ 22

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алешкова Наталья Павловна — соискатель Уральской государственной юридической академии.

Андреев Максим Валентинович — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой права, истории и политологии Академии государственного и муниципального управления при Президенте Республики Татарстан.

Боташева Асият Казиевна — кандидат политических наук, докторант кафедры политологии и социологии Ставропольского государственного университета.

Бочкарев Сергей Александрович — соискатель Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Бринчук Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором экологического права Института государства и права Российской академии наук.

Вайн Евгений Аркадьевич — старший преподаватель кафедры теории, истории государства и права юридического факультета Башкирского института социальных технологий (филиал) Академии труда и социальных отношений.

Галиев Фарит Хатипович — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Башкирского государственного университета.

Горбань Владимир Васильевич — соискатель кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета, судья Краснодарского краевого суда.

Григорьева Александра Валерьевна — аспирантка кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета.

Елатомцев Борис Александрович — аспирант кафедры теории и истории государства и права Самарского государственного экономического университета.

Ермакова Анна Валентиновна — юрисконсульт Института госзакупок Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Етимян Левон Гагикович — аспирант кафедры политических наук Российского университета Дружбы народов.

Жеребцов Алексей Николаевич — кандидат юридических наук, профессор кафедры теории права и конституци-

онного права Института экономики, права и гуманитарных специальностей (г. Краснодар).

Зайцев Дмитрий Геннадьевич — аспирант и преподаватель кафедры публичной политики Государственного университета — Высшая школа экономики (ГУ-ВШЭ), ведущий сотрудник Исследовательской группы ЦИРКОН.

Закондырин Александр Евгеньевич — аспирант кафедры государственного управления и правового обеспечения государственной и муниципальной службы Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, заместитель председателя правления Регионального общественного движения «Наша Столица».

Иванова Дарья Ивановна — кандидат юридических наук, старший инспектор по особым поручениям Управления организации международного сотрудничества Административного департамента МВД России.

Каламкарян Рубен Амаякович — доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук.

Комаров Антон Анатольевич — аспирант Пятигорского государственного технологического университета.

Кульчевский Владимир Владимирович — ассистент кафедры государственного и муниципального права Сургутского государственного университета.

Кучина Ярослава Олеговна — аспирант кафедры криминалистики Юридического института Дальневосточного государственного университета.

Ласкова Ирина Алексеевна — аспирант кафедры государственного строительства и права Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Мальцева Ольга Дмитриевна — старший преподаватель кафедры индологии Дальневосточного государственного университета, Институт международных отношений.

Насыров Ильдар Рустамбекович — доцент кафедры международных отношений Академии управления ТИСБИ (г. Казань), заведующий информационно-аналитическим отделом Департамента внешних связей Президента Республики Татарстан.

Нуждин Тарас Анатольевич — заместитель генераль-